

DOI: [10.17805/ggz.2023.6.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2023.6.3)EDN: [CTEQGQ](https://www.edn.ru/CTEQGQ)

ОТГОЛОСКИ ШЕКСПИРОВСКОГО СЛОВА В ПЬЕСЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО «СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!»*

И. И. Чекалов

Шекспировская комиссия РАН,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

В тексте пьесы А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» встречаются сочетания слов, по смыслу близко соприкасающиеся с шекспировскими фразами в «Короле Лире». Случаи такого соответствия рассматриваются в настоящей статье в связи с проблемой сюжетного сходства между пьесой Островского и трагедией Шекспира, отмеченного современниками русского драматурга, а в XX в. осмысленного в работах Л. М. Лотман и А. Л. Штейна. В статье выдвигается гипотеза о влиянии интерпретации роли Лира П. С. Мочаловым (1800–1848) в качестве объяснения как указанного сюжетного сходства, так и случаев выявленного текстового соответствия у британского и русского писателей.

Ключевые слова: У. Шекспир; А. Н. Островский; П. С. Мочалов; Островский и Шекспир; «Король Лир»; «Свои люди — сочтемся»; влияние Шекспира на русскую литературу; шекспиризм

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного в рамках Международной научной конференции «XXVI Шекспировские чтения 2016: 400 лет бессмертия поэта» (Чекалов, 2016).

THE SHAKESPEAREAN ECHOES IN “IT’S A FAMILY AFFAIR — WE’LL SETTLE IT OURSELVES” BY ALEXANDER N. OSTROVSKY*

Ivan I. Chekalov

*Shakespeare Committee of the RAS,
St. Petersburg, Russian Federation*

In the text of “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves” (original title: “The Bankrupt”, 1850) by Alexander N. Ostrovsky there are collocations which echo several phrases used by Shakespeare in “King Lear”. These collocations are treated in their relation to some features of plot similarity noted by Ostrovsky’s contemporaries and in the 20th century dealt with by Lidiya M. Lotman and Abram L. Stein. It is suggested that the Russian tragic actor Pavel S. Mochalov (1800–1848) in the role of King Lear (the opening night of the performance at the Moscow Maly Theatre, January 4, 1839) might have influenced Ostrovsky when the playwright started writing his comedy in 1843.

Keywords: *W. Shakespeare; A. N. Ostrovsky; P. S. Mochalov; Ostrovsky and Shakespeare; “King Lear”; “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves”; Shakespeare’s influence on Russian literature; Shakespeareanism*

ВВЕДЕНИЕ

В пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» на исходе первого действия московский купец Самсон Силыч Большов неожиданно для своего приказчика Подхалюзина спрашивает его: «Скажи, Лазарь, по совести, любишь ты меня?» (Островский, 1959: I, 12, 45)¹. У Большова же такой вопрос возник не внезапно и не случайно, но был подготовлен обстоятельствами, уже затронутыми ранее. Впервые в пьесе тема любви к богатому купцу, каким является Большов, как к источнику материальных благодеяний окружающим его бедным людям, коснулся Рисположенский (I, 10, 38), стряпчий, т. е. «ходатай по делам» (Ашукин, Ожегов, Филиппов, 1993: 204), уволенный из суда по причине пьянства (I, 9, 36–37). В диалоге с ним купец равнодушно отмахнулся от изъявлений любви стряпчего («...все вы нас любите...»; I, 10, 38), а вот «дьявольские наущения» (I, 10, 38) (т. е. подстрекательства) Рисположенского не

* The article draws on a paper presented by the author at the International conference “Shakespeare Readings 2016: 400 Years of Immortality” (Chekalov, 2016).

¹ Здесь и далее указаны номера действий и явлений, а также страницы. Все дальнейшие цитаты в тексте приводятся по данному изданию.

были оставлены Большовым без внимания. На данный момент сценического времени у Большова еще не сложился план того, как, перехитрив своих кредиторов, нажиться на них, но мысль об этом преследует его (I, 10, 38). Он принимает совет Рисположенского «дом да лавки заложить либо продать» (I, 10, 39), но колеблется, когда выясняется, что купчую или закладную надо оформить на постороннего человека: «Только вот что беда-то: как закрепить на чужого дом-то, а он, пожалуй, там и застрянет, как блоха на войне» (I, 10, 39). Рисположенский и тут приходит на помощь своему благодетелю: «Уж вы ищите, Самсон Силыч, такого человека, чтобы он совесть знал» (I, 10, 39). По подсказке Рисположенского Большов решает передать свое имущество в распоряжение Подхалюзина, т. к. «он малый с понятием, да и капиталец есть» (I, 10, 40).

Выражение ‘по совести’, употребленное Большовым в вопросе, адресованном Подхалюзину, подчеркивает связь между этим вопросом и указанным диалогом купца со стряпчим, выявляя подготовительную функцию диалога по отношению к объяснению Большова с приказчиком. В начале рассматриваемого разговора с Большовым Подхалюзин постоянно прибегает к словечкам наподобие «как вам угодно-с» (I, 12, 45). Но прямо поставленный вопрос Большова о любви к собственной персоне требует определенности, а Подхалюзин молчит. Тогда Большов продолжает: «Любишь что ли? Что ж ты молчишь? (*Молчание.*) Поил, кормил, в люди вывел, кажется» (I, 12, 45). В четвертом действии Большов повторит последнюю фразу, добавив в нее одно уточнение: «Поил, кормил вместо отца родного, в люди вывел» (IV, 4, 89). Это уточнение раскрывает характер отношения купца к своему приказчику: Большов заботился о Подхалюзине, словно отец родной, и был уверен, что в ответ имел сыновнюю привязанность приказчика. Именно подтверждения такой привязанности ожидает услышать Большов, задавая свой вопрос Подхалюзину. Реакция Подхалюзина не разочаровывает купца. Оправившись от первоначального замешательства (оно выражено дважды повторенной авторской ремаркой и словами, включенными в реплику персонажа), приказчик выражает свою полную преданность хозяину и готовность за него полезть «в огонь и в воду» (I, 12, 46), а в заключительной реплике диалога говорит о попечении Большова о нем, возвращаясь к теме, затронутой в вопросе купца и ссылаясь на заботу Большова как объяснение своей бескорыстной преданности ему: «Мне, Самсон Силыч, окромя вашего спокойствия, ничего не нужно-с. Как жимши у вас с малолетства и видимши все ваши благодеяния; можно сказать, мальчишкой взят-с лавки подметать, следовательно, должен я чувствовать» (I, 12, 46).

О том, какие чувства Подхалюзин испытывает к Большову и какое у приказчика реальное отношение к купцу, мы узнаем позже (2, 3, 48–49). На настоящий момент сценического времени вопрос, поставленный Большовым Подхалюзину, и совершенно положительная реакция последнего на него служит исходным моментом сюжета, который приведет Большова в долговую яму, а его приказчика сделает законным владельцем всего имущества купца.

ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕЗАУРУС В ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ОСТРОВСКОГО

Указанный вопрос, вложенный Островским в уста одного из главных персонажей своей пьесы, по смыслу во многом напоминает тот, с которым король Лир обращается к своим дочерям в начале шекспировской трагедии:

<...> Tell me, my daughters
(Since now we will divest us both of rule,
Interest of territory, cares of state),
Which of you shall we say doth love us most,
That we our largest bounty may extend
Where nature doth with merit challenge.
(Shakespeare, 1970: 33; I, 1, 48–53)

В переводе Б. Л. Пастернака:

<...>
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласьи с вашею заслугой.
(Шекспир, 1960: 431)

В отличие от Большова Лир раскрывает свой замысел без всяких оценок личностей, и его вопрос предназначен сразу трем дочерям — Гонерилье, Регане и Корделии. Но тема вопроса, начало которого в семантико-типологическом плане одинаково оформлено и у Шекспира и у Островского, — та же самая, что и у Большова: любовь к собственной персоне, и она увязана не только с тем, что дано от природы (ср. “Nature... <...> Opposed to human institutions or

tendencies...”; Schmidt, 1902: 758), но и с тем, за что человеку полагаются почести и награды (ср. “Merit... that for which a person deserves honour or reward...”; *ibid.*: 715) Почести и награды на момент этой речи Лира могут исходить только от короля, т. е. быть его благодеяниями. Таким образом, здесь устанавливается ассоциативная связь между тем, как понимают любовь персонажи Островского и как она воспринимается Лиром в начале трагедии. В прозаическом переводе, сделанном в 1837 г. знаменитым трагиком Александринского театра В. А. Каратыгиным (1812–1853) и державшемся на петербургской и, вероятно, московской сцене² вплоть до появления перевода А. В. Дружинина (1856), данное сходство текста не только не утрачено, но и демонстрируется с большей непосредственностью:

Скажите мне, дети, кто из вас больше любит отца, дабы наша щедрость
могла излиться на достойнейшую из дочерей?

(Шекспир, 1838: 3)³

Ответ Гонерилы на вопрос Лира наполнен риторическими фразами:

Sir, I love you more than word can wield the matter;
Dearer than eyesight, space, and liberty;
Beyond what can be valued, rich or rare;
No less than life, with grace, health, beauty, honor;
As much as child e’er loved, or father found;
A love that makes breath poor, and speech unable.
Beyond all manner of so much I love you.

(Shakespeare, 1970: 33; I, 1, 55–61)

В переводе Б. Л. Пастернака:

Моей любви не выразить словами.
Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,
Здоровья, жизни, чести, красоты,
Я вас люблю, как не любили дети

² Как полагает Р. М. Беньяш, каратыгинский перевод звучал в исполнении П. С. Мочалова (см.: Беньяш, 1976: 266).

³ Одобрена к представлению 19 января 1838 г. Рукопись (I.19.4.29). ОР и РК Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеки. В каталоге значится как перевод В. А. Каратыгина (ср.: Левин, 1988: 266).

Доныне никогда своих отцов.

Язык немеет от такого чувства,

И от него захватывает дух.

(Шекспир, 1960: 431)

В прозаическом переложении В. А. Каратыгина блески риторики не сохранились, а смысл шекспировского оригинала подвергся ряду искажений, но осталось основное направление мысли Гонерильи вместе с тоном неумеренной лести:

Я люблю вас, государь, больше, чем могу выразить словами, больше, чем свет моих очей, воздух и свободу; выше всех богатств и драгоценностей. Я люблю вас на равных с жизнью...⁴ Назовите мне любовь, для которой не достаёт ни дыхания, ни слов, чтоб её выразить; ну так я люблю вас больше (Шекспир, 1838: 3–4).

Не в пример Гонерилье Подхалюзин, разумеется, не владеет риторикой в качестве экспрессивного средства, но, так же как она, умеет показать в пределах своих речевых возможностей силу собственной преданности хозяину. Самая первая реакция приказчика на вопрос Большова свидетельствует об этом:

Подхалюзин. Эх, Самсон Силыч! Да что тут разговаривать-то-с. Уж вы во мне не сомневайтесь! Уж одно слово: вот как есть, весь тут.

Большов. Да что ж, что ты весь-то?

Подхалюзин. Уж коли того, а либо что, так останетесь довольны: себя не пожалею.

(1, 12, 45)

Слово 'весь', используемое приказчиком, значит «целиком, целый, сполна, совсем, сплошь, с корнем, оптом, огулом; сколько есть или было, без остатка...» (Даль, 1989: 187), а выражение 'весь тут' «употребляется для выражения предела каких-нибудь желаний, чувств в значении: конечно, ничего не скажешь, ничего не поделаешь» (Ашукин, Ожегов, Филиппов, 1993: 28). Таким образом, прямые обозначения речи в приведенной реплике Подхалюзина указывают на его полную преданность Большову («без остатка») при наличии у приказчика крайней степени чувств и желаний, что он пояснит в

⁴ Далее зачеркнуто: «...счастьем, здоровьем, красотой и величием. Люблю столько, сколько дочь могла когда-нибудь любить своего отца» (Шекспир, 1838: 3). — *Примеч. ред.*

нижеследующей реплике («себя не пожалею»), и в ходе дальнейшего диалога с Большовым будет неоднократно возвращаться к этой теме («в огонь и в воду полезус», «окромя вашего спокойствия ничего не нужно-с»). Предлагая Подхалюзину принять участие в обмане кредиторов, Большов понимает, что затеянное им дело потребует «кучу хлопот», т. е. множества «заняти[й], состоящи[х] в постоянных обращениях куда-л. с просьбой, ходатайством с целью добиться чего-л.» (Словарь русского языка, 1999а: 606). Подхалюзина хлопоты не смущают:

Подхалюзин. Нельзя ж без хлопот-с. Вот векселя надо за что-нибудь сбыть-с, товар перевести куда подальше. Станем хлопотать-с!

Большов. Оно так. Да старенок уж я становлюсь хлопотать-то. А ты помогать станешь?

(1, 12, 45)

В таком стремлении стареющего Большова опереться на силу и энергию молодого приказчика можно различить смысловую параллель изначальной декларации Лира, провозглашенной с трона:

...’tis our fast intent
To shake all cares and business from our age,
Conferring them on younger strengths...

(Shakespeare, 1970: 32; I, 1, 38–40)

В переводе Б. Л. Пастернака:

<...>

Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые...

(Шекспир, 1960: 431)

В переводе В. А. Каратыгина:

...мы разделили наше королевство на три части в твердом убеждении облегчить тем⁵ нашу древность от всех трудов и забот, предоставить их младшим⁶ силам и, сняв с себя бремя, ожидать спокойно кончины.

(Шекспир, 1838: 2–3)

⁵ Вписано карандашом. — *Примеч. ред.*

⁶ Вписано карандашом. Зачеркнуто: «юнейшим». — *Примеч. ред.*

Не только текст экспозиции пьесы «Свои люди — сочтемся!», но и текст ее финального акта дает основание для сопоставления первого крупного произведения Островского с «Королем Лиром». На данный момент отпущенный ненадолго из долговой ямы Большов появляется в «богато меблированн[ой] гостин[ой]» «в доме Подхалюзина» (IV, 81, рем.). Он утратил все свое имущество и просит Подхалюзина, ставшего его зятем и владельцем его богатства, и свою дочь Липочку, ставшую женой Подхалюзина, уплатить своим кредиторам. Получив отказ, он, обращаясь к ним, восклицает: «Змеи вы подколодные!» (IV, 4, 90).

Выражение ‘змея подколодная’ восходит к русской народной поэзии и встречается в просторечии. Так «говорится о коварном и опасном человеке» (Ашукин, Ожегов, Филиппов, 1993: 153). Но, помимо этого, оно отсылает и к метафорике шекспировского языка в «Короле Лире», где змее как тропу отведено видное место. Вот как, например, описывает А. С. Брэдли «змеиные» метафоры, относящиеся к Гонерилье: «...ее неблагодарность жалит змеиным укусом, она по-змеиному коварно поразила отца в самое сердце... ее супругу она представляется раззолоченной змеей... Она и Регана бесчеловечны (dog-hearted. — *И. Ч.*)... каждая из них является змеей по отношению к другой...» (Bradley, 1908: 267; пер. мой. — *И. Ч.*). В своей пьесе Островский не пользуется шекспировской поэтикой поэтических метафор (см.: *Ibid.*: 266–268), но противопоставление мира животных и мира человека, фиксируемые у Шекспира метафорикой его языка⁷ и выражающее пейоративное отношение английского драматурга к отрицательным персонажам его пьесы, имеется также и у Островского, хотя и достигается иными средствами. «Люди ли вы?» — гневно спрашивает Большов свою дочь и Подхалюзина в один из моментов драматического объяснения с ними. И получает от Олимпиады ответ, достойный Гонерильи: «Известное дело, тятенька, люди, а не звери же» (IV, 4, 89).

Драматизм ситуации, в которой очутился купец, для него состоит в том, что он не может отрешиться от мысли, что богатство, попавшее в руки приказчика, нажито его трудами. «Ведь я у вас не милостыню прошу, а свое же добро» (IV, 4, 89), — говорит он Подхалюзину и Липочке и вслед за тем, как бы вспомнив об изменившемся состоянии дел, взывает к признательности приказчика:

⁷ Впрочем, в пьесе «Василиса Мелентьева» Островский поэтически разрабатывает выражение ‘змея подколодная’. В пятом явлении пятого действия пьесы Иван Грозный, любясь красотой безмятежно спящей Василисы, спрашивает себя: «Ужель под этой тишиной таится // Змеиное лукавство?» (Островский, 1960: 110), а дворянин Андрей Колычев просит царя: «Вели убить мне бабу-лиходейку // Что заползла змеею подколодной, // Украдучись, в твой терем златоверхий!» (там же: 112).

Большов. Лазарь! Да ты вспомни то, ведь я тебе все отдал, все дочиста; вот что себе оставил, видишь! Ведь я тебя мальчишкой в дом взял, подлец ты бесчувственный! <...> А видел ли я от тебя благодарность какую? Видел ли? Вспомни то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что ж? Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все свое состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками. А не случись со мною этого попущения, ты бы на нее и глядеть-то не смел.

Подхалюзин. Помилуйте, тятенька, я все это очень хорошо чувствую-с!

Большов. Чувствуешь ты! Ты бы должен все отдать, как я, в одной рубашке остаться, только бы своего благодетеля выручить. Да не прошу я этого, не надо мне, ты заплати за меня только, что теперь следует.

Подхалюзин. Отчего бы не заплатить-с, да просят цену, которую совсем несообразную.

(IV, 4, 89)

В приведенном диалоге фраза с глаголом 'отдать', не повторяясь, звучит на протяжении всей первой реплики Большова («...я тебе все отдал, все дочиста...», «...все свое состояние отдал...», «...отдал и дочь-то...») и снова появляется во второй («Ты бы должен все отдать...»). В последней ответной реплике Подхалюзина речь идет о том, что кредиторы просят «цену... несообразную». В пояснении этого слова у Даля читаем: «с чем, неладный, не отвечающий, что некстати, не идет» (Даль, 1989b: 536). При сопоставлении движения смысла от реплик Большова к репликам Подхалюзина возникает представление о том, что цена, которую кредиторы просят за долги Большова, т. е. копеечные расчеты с ними, не соответствуют тому, что Большов отдал Подхалюзину⁸. Сквозь такое представление проступает скарденность приказчика, совершенно заглушающая в нем чувство благодарности к купцу.

Ключевая фраза реплики Большова «...я тебе все отдал...» почти полностью совпадает с той, которую произносит Лир во время спора с Гонерильей и Реганой относительно сокращения своей свиты: "I gave you all" (Shakespeare, 1970: 89; II, 4, 245); в переводе Б. Л. Пастернака — «Я все вам дал!» (Шекспир, 1960: 488); в переводе В. А. Каратыгина — «Я все отдал вам!» (Шекспир, 1838: 30).

Данные фразы различаются наличием у адресата действия единственного числа в тексте Островского и множественного числа в шекспировском

⁸ «Да куда ж ты деньги-то дел?» — недоумевает Большов и слышит в ответ: «...я вот торговлей завожусь, домишко отдал» (IV, 4, 88).

тексте, иначе говоря, в одном случае подразумевается только Подхалюзин, а в другом — имеются в виду Гонерилья и Регана. Однако поскольку в четвертом явлении четвертого действия пьесы Островского Липочка, целиком и полностью оказавшаяся на стороне мужа, принимает активное участие в обсуждении оплаты долгов купца кредиторам («Что ж, тятенька, нельзя же нам самим ни при чем остаться» (IV, 4, 89); «Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего» (IV, 4, 90)), а сам Большой часто обращается к ним обоим, объединяя их («Что вы! Что вы! Опомнитесь!» (IV, 4, 89)), фраза Шекспира, подчеркивающая черствую неблагодарность дочерей Лира, может рассматриваться как источник аллюзии, связанной с эпизодом, изображающем аналогичную неблагодарность Подхалюзина с Липочкой в уже упомянутом явлении пьесы.

ИСТОРИЯ КРИТИЧЕСКОГО СОПОСТАВЛЕНИЯ ПЬЕСЫ «СВОИ ЛЮДИ — СОЧТЕМСЯ!» А. Н. ОСТРОВСКОГО И ТРАГЕДИИ «КОРОЛЬ ЛИР» У. ШЕКСПИРА

Современники Островского, как известно, обратили внимание на сходство центрального сюжетного события пьесы «Свои люди — сочтемся!» — передачу Большовым своей собственности Подхалюзину — и раздела своего царства королем Лиром в трагедии Шекспира.

Первая крупная пьеса Островского была опубликована в «Москвитянине» в 1850 г., и почти сразу вслед за тем была запрещена цензурой к постановке на сцене. Это не способствовало появлению рецензий на нее в журналах, хотя ее неоднократные устные чтения в Москве, происходившие до ее публикации, везде сопровождались блестящим успехом⁹. Журнальные отзывы о пьесе стали печататься после выхода в 1859 г. собрания сочинений Островского, в котором с цензурными исправлениями была допущена и пьеса «Свои люди — сочтемся!».

На исходе 1850-х и в начале 1860-х гг. в русской журнальной критике, по словам Ю. Д. Левина, «[о]ткрыто признаваемый авторитет Шекспира оставался еще неколебимым» (Левин, 1988: 196), и экскурсы в творчество английского драматурга часто встречались в статьях о текущей русской литературе. Поэтому не приходится удивляться тому, что указанное сходство между пьесой Островского и трагедией Шекспира оказалось предметом внимания рецензентов.

⁹ См. об этом: А. Н. Островский в воспоминаниях современников, 1966; Лакшин, 1982: 104–116; Лобанов, 1989: 35–38.

Наиболее раннее упоминание об этом сходстве встречаем в московском журнале «Атеней». В его апрельском номере за 1859 г. была помещена пространная статья Н. П. Некрасова (впоследствии известного языковеда-руси-ста), в которой он весьма придирчиво оценивал сочинения Островского. Разбирая его первую крупную пьесу, рецензент недоумевал: «Ведь Большов знает хорошо Подхалюзина, знает, что он плут. Для чего он так некстати сделался великодушным? Странно! Ему жаль было отдавать деньги кредиторам, а не жаль было отдать все свое имение Подхалюзину!.. Правда, Лир у Шекспира делает почти то же, но у него основание глубже, серьезнее: Лиру, этому гордому, могущественному и справедливому королю, и на ум не приходило, чтобы он когда-нибудь при жизни мог лишиться своего могущества; он имел в виду лишь отдохнуть от бремени правления...» (Некрасов, 1859: 472). Недоумению Н. П. Некрасова вторил А. И. Селин, профессор русской словесности в Киевском университете: «Прочитав *Свои люди — сочтемся!*, с первого раза вы придете в большое недоумение и невольно спросите: чего ради почтенный купец... на старости лет задумал дело преступное — злостное банкротство? Еще в большее недоумение повергает вас то, что он не сам воспользовался чужою собственностью, а отдал ее вместе со всем своим имуществом другим, зятю и дочери, и себе ничего не оставил. ...и вы готовы повторить слова Подхалюзина: “Самсон Силыч — купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так, для препровождения времени затеял”. <...> Почти таким же образом, только в деле правом и совершенно чистом, у Шекспира поступил король Лир, в сцене раздела царства...» (Селин, 1906: 94; курсив источника. — Ред.). В 1875 г. на страницах петербургского журнала «Дело» Н. Языков, упомянув о подобных сопоставлениях в русской критике, заметил, что ими «критика едва ли оказала услугу Островскому...» (Языков, 1907: 109).

Среди множества вопросов, поднятых Н. А. Добролюбовым в обширной, вскоре ставшей знаменитой статье «Темное царство», публиковавшейся в двух номерах «Современника» (№№ 7 и 9) за 1859 г. как отклик на выход первого собрания сочинений Островского, имеется и изложение позиции критика относительно сходства поступка Большова, передавшего свое имущество Подхалюзину, с поступком Лира, отдавшего свое царство Гонерилье и Регане. «В поступке Большова, — пишет Добролюбов, — действительно есть внешнее сходство с поступком Лира, но именно настолько, насколько может комическое явление походить на трагическое. Лир представляется нам также жертвой уродливого развития; поступок его, полный гордого сознания, что он *сам, сам по себе* велик, а не по власти, которую держит в своих руках, поступок этот тоже служит к наказанию его надменного деспотизма. Но если мы вздумаем сравнивать Лира с Большовым, то найдем, что один из них с ног до головы

король британский, а другой — русский купец; в одном все грандиозно и роскошно, в другом все хило, мелко, все рассчитано на медные деньги» (Добролюбов, 1962: 52; курсив источника. — *Ред.*).

Когда в своем «самообожани[и]», утверждает Добролюбов, Лир «выходит из всяких пределов здравого смысла» и «решается сбросить с себя власть, уверенный, что и после того люди не перестанут трепетать его», он, отдавая свое царство дочерям, должен «перейти в простое звание обыкновенного человека и испытать все горести, соединенные с человеческою жизнью. Тут-то, в борьбе, начинающейся вслед за тем, и раскрываются все лучшие стороны его души...» (там же)¹⁰.

В Большове же, по убеждению Добролюбова, нет ни малейшего проблеска человеческих чувств: «Он гадок для нас именно тем, что в нем видно почти полное отсутствие человеческих элементов; и в то же время он пошел и смешон искажением и тех зачатков человечности, какие были в его натуре» (там же: 57). Поэтому, цитируя слова Большова, сказанные им в момент наибольшего душевного потрясения¹¹, и признавая, что «в последних сценах

¹⁰ А. А. Аникст высоко оценил добролюбовское суждение о Лире: «Во всей мировой критике мы не найдем более верного определения исходного момента трагедии короля Лира» (Аникст, 1960: 671).

¹¹ Добролюбов не полностью цитирует слова Большова и отрывает их от контекста. В тексте они вызваны бессердечной репликой Липочки:

Олимпиада Самсоновна. Мы, тятенька, сказали вам, что больше десяти копеек дать не можем, — и толковать об этом нечего.

Большов. Уж ты скажи, дочка: ступай, мол, ты, старый черт, в яму! Да, в яму! В острог его, старого дурака. И за дело! Не гонись за большим, будь доволен тем, что есть. А за большим погонишься, и последнее отнимут, оберут тебя дочиста. И придется тебе бежать на Каменный мост да бросаться в Москву-реку. Да и оттедова тебя за язык вытянут да в острог посадят.

Все молчат; Большов пьет.

А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что ж мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто верст покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке-то идти. Это все равно что грешную душу дьяволы, прости господи, по мытарствам тащат. [Со следующего предложения начинается цитата у Добролюбова. См.: Добролюбов, 1962: 54. — *И. Ч.*] А там мимо Иверской: как мне взглянуть-то на нее, на матушку?.. Знаешь, Лазарь, Иуда, ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем... А что ему за это было?.. [Два следующих выражения у Добролюбова выпущены. — *И. Ч.*] А там присутственные места, уголовная палата... Ведь я злостный — умышленный... ведь меня в Сибирь сошлют. Господи!.. Коли так не дадите денег, дайте Христа ради. (*Плачет.*)

(IV, 4, 90)

Теперь Большов о «своем добре» и не вспоминает. Он просит денег у дочери и зятя «Христа ради». Он взывает к ним не предавать совесть за деньги. Если сравнить первоначальную решимость Большова «тихим манером дельце обделать» с его легкомысленным

есть трагический элемент, но он участвует здесь чисто внешним образом» (там же: 53), Добролюбов стоит на своем: «Для нас и в последнем акте Большов не перестает быть комичен: ни одного светлого луча не проникло в эту темную душу после переворота, навлеченного им самим на себя» (там же).

«Добролюбовским кунштюком» назвал Аполлон Григорьев такой подход к пьесе Островского, т. е. ловкой проделкой, при которой используется «в жизненном явлении так[ая] его сторон[а], которая лезет под теорию...» (Григорьев, 1980: 146). Художественное произведение, утверждал Григорьев «захватывает жизнь гораздо шире всякой теории» (Григорьев, 1985: 175), так что, по его мнению, пьеса «Свои люди — сочтемся!» являет собой «прежде всего картин[у] общества, отражение целого мира, в котором проглядывают многочисленные органические начала, а не только одно самодурство» (там же: 184). Обращаясь к словам Большова, цитируемым Добролюбовым, Григорьев замечает: «Остроумный автор статей “Темное царство” положительно, например, отказывает в своем сочувствии Большову даже в трагическую минуту жизни этого последнего» и ставит риторический вопрос: «Откажет ли ему в сожалении и, стало быть, известном сочувствии масса?...» (там же: 176).

В наше время связь между пьесой Островского «Свои люди — сочтемся!» и шекспировским «Королем Лиром» не подвергается сомнению в работах А. Л. Штейна и Л. М. Лотман.

А. Л. Штейн, останавливаясь на сходстве Большова и Лира, поддерживает различие между ними, проводимое Добролюбовым, но не может согласиться с критиком в том, что «Большов комичен и в последнем акте и что трагический элемент участвует в его судьбе чисто внешним образом» (Штейн, 1973: 31). «У Островского, — утверждает Штейн, — Большов, превратившись из обидчика в жертву, изображен не без патетики. Он привлекает наше сочувствие. Из этого зерна вырастает новое качество комедий Островского» (там же).

А. Л. Штейн отмечает структурно-композиционное сходство пьесы Островского и шекспировской трагедии о Лире. Мотив плутовства разрабатывается в комедии трижды: «Типичность того, что произошло с Большовым, подкрепляется и уточняется тем, что произошло со свахой и Рисположенским» (там же: 33). Как отмечает литературовед, «[п]рием этот восходит к старой

представлением о грядущем страшном суде («Там после суди владыка на втором пришествии» (I, 12, 45)) с тем, как ему теперь представляется путь по Ильинке («Это все равно что грешную душу дьяволы... по мытарствам тащат»), то выявится контраст, свидетельствующий об изменении в сознании Большова — пробудившаяся в нем религиозность открыла ему глаза на существование совести: недаром он стыдится взглянуть на Иверскую икону Божьей Матери, слывшую Чудотворной.

драматургии. Шекспир постоянно прибегал к нему. Например, кроме обманутого короля Лира в трагедии есть еще один обманутый отец — граф Глостер» (там же).

Л. М. Лотман указывает на основание, типически роднящее психологию Большова и Лира: «Кругозор Большова ограничен Замоскворечьем, в своем ограниченном мире он испытывает все те чувства, которые в ином масштабе испытывает властитель, могущество которого неограниченно» (Лотман, 1991: 64). Такое типологическое сходство, как полагает исследовательница, служит исходной точкой центрального сюжетного события пьесы Островского — передачи Большовым своего имущества Подхалюзину: «В этом повороте сюжета комедия о злостном банкроте и хитром приказчике сближается с трагедией Шекспира “Король Лир” — коллизия погони за наживой перерастает в коллизию обманутого доверия» (там же).

«Коллизия обманутого доверия» предполагает сочувствие зрителя к обманутому персонажу и входит в противоречие к суждению Добролюбова о Большове как о самодуре. «Последовательно отрицательное отношение Добролюбова к Большову, исключаящее всякое сочувствие этому герою», было продиктовано, разъясняет Л. М. Лотман, «главным образом тем, что критик остро ощущал связь домашней тирании с политической и зависимость несоблюдения закона в частном предпринимательстве от отсутствия законности в обществе в целом. “Купеческий Король Лир” его интересовал более всего как воплощение тех общественных явлений, которые порождают и поддерживают безгласность общества, бесправие народа, застой в экономическом и политическом развитии страны» (Лотман, 1982: 507).

Что касается сочувствия зрителя (и, конечно, драматурга) Большову, то тут Л. М. Лотман предлагает такое разрешение этой проблемы: «Образ Большова в пьесе Островского безусловно трактуется в комедийном, обличительном плане. Однако страдания этого героя, неспособного до конца понять преступность и неразумность своих поступков, субъективно глубоко драматичны. Предательство Подхалюзина и дочери, потеря капитала приносят Большову величайшее разочарование идейного порядка, смутное ощущение краха вековых устоев и принципов и поражают его, как конец света» (там же). При этом, как подчеркивает исследовательница, «страдания же его вызывают отклик в душе писателя и зрителя не потому, чтобы герой по своим нравственным качествам не заслуживал возмездия, а потому, что формально правый Подхалюзин попирает не только узкое, искаженное представление Большова о семейных отношениях и правах родителей, но и все чувства и принципы, кроме принципа “оправдания” денежного документа» (там же).

Однако «все чувства и принципы», о которых здесь идет речь, трудно представить в отрыве от того момента в жизни Большова, когда в нем пробуждается религиозность, заставляющая его вспомнить о совести. Недаром А. А. Григорьев назвал этот момент «трагической минутой». Именно тогда обнажается трагический подтекст истории Большова, и он сам на данный момент сценического времени перестает восприниматься как чисто комический персонаж, а нравственная позиция автора пьесы предстает в своем наиболее непосредственном виде. Она, разумеется, косвенно разветвлена во всей системе образов пьесы, и ее влиянию, как указывает Л. М. Лотман, также содействует «предусмотренная в... комедии ассоциативная связь изображенных событий с трагедией Шекспира “Король Лир”» (там же).

«Предусмотреть» значит «[з]аранее усмотреть, учесть возможность чего-л[ибо]. <...> Заранее принять во внимание. <...> Учесть в своем содержании» (Словарь русского языка, 1999b: 374). Это мог сделать только автор пьесы, приступая к ее созданию. Отсюда следует, что шекспировского «Короля Лира» надлежит рассматривать как источник, сыгравший определенную роль в творческой истории пьесы Островского. Это же демонстрирует структурно-композиционное сходство, обнаруженное А. Л. Штейном у Островского и Шекспира. На это же указывают и отзвуки шекспировского слова, встречающиеся в тексте пьесы и выявленные в настоящей статье. Однако ранний период творческой истории пьесы «Свои люди — сочтемся!» и по сей день во многом остается непоясненным, и решение вопроса и роли в ее замысле шекспировской трагедии «Король Лир» по-прежнему является камнем преткновения.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЛИЯНИИ У. ШЕКСПИРА НА РАННЕЕ ТВОРЧЕСТВО А. Н. ОСТРОВСКОГО

Сам Островский указал на то, что начало создания его пьесы приходится на 1846 г. К осени этого года, сообщал он, «комедия в общих чертах была уже задумана и некоторые сцены набросаны; многим лицам я рассказывал идею и читал некоторые подробности» (Островский, 1953a: 50). Тогда же к Островскому в работе над пьесой присоединился начинающий драматург и актер провинциального театра Д. А. Горев, но их сотрудничество оказалось кратким и по результатам незначительным¹². В дальнейшем Островский продолжал самостоятельно трудиться над своим сочинением и, по его словам, «в продолжение 1847, 1848 и половины 1849 гг. ... писал свою комедию на глазах своих

¹² Подробности об этом см.: Ревякин, 1963. См. также: Кашин, 1912.

друзей, постоянно читая им каждую сцену, советовался с ними о каждом выражении, исправлял, переделывал, некоторые сцены оставлял вовсе, другие заменял новыми...» (там же). И действительно, как свидетельствовал М. И. Семевский, поклонник таланта драматурга, которому в 1855 г. Островский подарил черновик рукописи пьесы «Свои люди — сочтемся!», в ней «каждая вновь подмеченная черта, манера выражений, даже слово, проскользнувшее незаметно для обыкновенного человека, получали... значение и место у А. Н. Островского» (цит. по: Кашин, 1913: 15; ср.: Семевский, 1966: 133–134).

Можно было бы ожидать, что такая длительная и тщательная обработка пьесы, когда менялась компоновка сцен и само ее название (сначала «Несостоятельный должник», потом «Банкрот» и, наконец, «Свои люди — сочтемся!»), обработка, проходившая «на глазах друзей», с которыми драматург постоянно советовался об изменениях, вносимых в текст, будет зафиксирована в воспоминаниях современников, однако таких воспоминаний нет, а сведения, сохранившиеся об этом периоде жизни Островского крайне скудны. Напомним, что с 1845 по 1851 г. Островский служил в московском Коммерческом суде: «...чрезвычайно богатый впечатлениями период жизни Островского — служба в Коммерческом суде, — давший ему массу образов, сюжетов, к сожалению, в воспоминаниях оказался обойденным», — констатирует А. И. Ревякин (Ревякин, 1966: 17). Он добавляет: «Нам неизвестны какие-либо мемуары о детстве, о ранней юности А. Н. Островского, в воспоминаниях он сразу является знаменитым писателем, автором великолепной, первоклассной комедии — “Свои люди — сочтемся!”» (там же: 6). Убедительную иллюстрацию этому выводу находим в воспоминаниях Н. В. Берга (1823–1884), товарища Островского по Первой московской гимназии: «Островский написал комедию “Банкрут”. Все, знающие дело, ахнули. Вся интеллигенция Москвы заговорила об этой пьесе как о чем-то чрезвычайном... <...> Но, кроме языка, и самый купеческий быт, способы мышления и жизненные приемы этого сословия нарисованы были могучею, широкою кистью... как бы опытного художника, о существовании которого никто не знал; никто не видал его постепенного развития, разных мелких, робких, отроческих статей. Сразу явилось мужественное произведение, совершилось нечто вроде чуда! Слава Островского как драматического писателя родилась и выросла в один день» (Берг, 1966: 38).

При отсутствии прямых мемуарных свидетельств и других непосредственных данных о возникновении замысла первой крупной пьесы Островского и длительного процесса работы над рукописью произведения приходится прибегнуть к реконструкции, основанной лишь на косвенных материалах. Разумеется, подобная реконструкция остается только гипотезой, которую могут либо подтвердить, либо опровергнуть будущие исследователи.

В марте 1850 г. в «Москвитянине» была напечатана пьеса «Свои люди», а 14 августа того же года Островский представил в цензуру прозаический перевод шекспировской комедии под заглавием «Укрощение злой жены». Перевод отделен от публикации пьесы всего несколькими месяцами. Следовательно, в этот период Шекспир привлекал внимание Островского, и оно было связано с его творческими планами. Что было в то время источником такого внимания? Скорее всего, не печатное, а устное слово, произносимое в театре и устная молва, разносившаяся о театральных постановках. Недаром А. А. Григорьев писал М. П. Погодину в октябре 1851 г., что кружок молодых людей, группировавшихся в редакции «Москвитянина» вокруг Островского, «с Шекспиром знаком... более понаслышке» (Григорьев, 1999: 55). Как поясняет В. И. Даль, «понаслышка» (от глагола «слышать») — «действие и состояние по значению глагола» (Даль, 1989b: 471).

Театр привлекал Островского уже в гимназические годы. Как сообщает Ф. А. Бурдин (1826–1887), соученик будущего драматурга по гимназии и впоследствии его друг, познакомившийся с ним в 1840 г., «Александр Николаевич был старше нас на три класса, и тогда уже он любил театр, часто посещал его; мы с великим удовольствием и интересом слушали его мастерские рассказы об игре Мочалова, Щепкина, Львовой-Синецкой и др.» (Бурдин, 1966: 328). Островский окончил Первую московскую гимназию в 1840 г., а в 1839 г. в Малом театре состоялась премьера спектакля «Король Лир» с П. С. Мочаловым в заглавной роли, и, надо думать, рассказы старшего, близкого к выпуску ученика своим младшим товарищам не обошли стороной игру актера в этом спектакле. Во всяком случае, среди шекспировских трагедий Островский особо отличал не «Гамлета», пьесу, которой театральная публика XIX столетия повсеместно отдавала пальму первенства, и в России она была прославлена статьями В. Г. Белинского, а «Короля Лира». По воспоминаниям А. Ф. Кони, «[с]амой глубокою из трагедий Шекспира он (Островский. — *Прим. ред.*) тогда считал “Короля Лира”» (Кони, 1966: 196). В 1851 г., помещая в «Москвитянине» обширное объявление о готовящемся бенефисе Прова Садовского в Малом театре, он писал о том, что публика увидит актера «в одной из лучших Шекспировских ролей — в роли Короля Лира» (Островский, 1851: 62). О высокой оценке Островским этой пьесы говорит и то, что, когда вышел дружининский перевод «Короля Лира», он «его... уж почти наизусть выучил» (Островский, 1953b: 60). Не восходит ли по своим истокам такое отношение к данному шекспировскому произведению к игре Мочалова?

«Страстным театралом» называет А. И. Ревякин Островского, подчеркивая, что «он в студенческие и последующие годы был завсегдатаем всех то-

гдашних московских театров, но явное предпочтение отдавал Малому» (Ревякин, 1962: 266). Он, безусловно, видел Мочалова (1800–1848) и в роли Гамлета и в роли Лира, и то, что образ Лира оказался выдвинутым на первый план в сознании писателя, может быть лучше понято, если увидеть связь между первой крупной пьесой Островского и истолкованием роли Лира Мочаловым.

«Одною из самых трогательных ролей мочаловского репертуара, — вспоминает М. Е. Кублицкий, знаток московских и петербургских театров той эпохи, — была неоспоримо роль короля Лира, особенно в последних сценах драмы. В первом действии Каратыгин превосходил московского трагика величавостию своей фигуры и мастерством костюмироваться; это был показной Лир. Но лишь только неблагодарность детей начинает смущать и раздражать слабого и капризного короля, Мочалов начинал расти» (Кублицкий, 1953: 340).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя наблюдения зрителей над игрой П. С. Мочалова в этом спектакле, Ю. А. Дмитриев так характеризует рисунок роли, воплощенной актером в образе Лира: «Лир Мочалова был благородный и прекрасный старец, который в течение своей долгой жизни утомился бременем власти и хотел сложить его с себя, но не для того, чтобы проводить время в праздной лени, а чтобы осознавать в благополучии горячо любимых им дочерей свое величие. К этому он стремился всю жизнь и наконец, казалось, мог достигнуть своего блаженства. И вдруг оказывается, что две его дочери, лицемерно говорящие о своей любви к отцу, на самом деле ищут только наследства. На глазах Лира разрушилась его мечта. Буря забушевала в его сердце, и старый король пал под ее ударами» (Дмитриев, 1953: 29).

Как отметил В. Г. Белинский, Мочалов представил публике «только Лира, а не *короля* Лира» вплоть до того, что в некоторых моментах спектакля мочаловский персонаж напоминал «какого-то мещанина, который силится уверить, что будто он король!..» (Белинский, 1953: 320, 321; курсив источника. — Прим. ред.). Стремление лишить Лира поэтического ореола, героизирующего у Шекспира фигуру короля, сказывалась у Мочалова в том, что в поведении его персонажа не акцентировалась королевская величественность. «По свидетельству современников, — пишет Ю. Д. Левин, — Мочалов играл трагедию человека, обманутого в своем доверии к людям, отца, оскорбленного и уязвленного неблагодарностью детей» (Левин, 1965: 295).

Плутоватый Большов, разумеется, совсем не похож на «благородного и прекрасного старца» Лири в исполнении Мочалова, не является образ Большова и эпигонским повторением образа Лири в замоскворецком масштабе (т. е. «купеческим королем Лиром»). Но когда Островский в Малом театре увидел спектакль по шекспировской трагедии, его, очевидно, поразило то же самое, что поразило его современников — страдания не Лири — короля, а Лири — обыкновенного человека. Коллизия обманутого доверия и неблагодарности детей, врезавшись в его память, стала основой ассоциативного сцепления между его пьесой о банкроте и трагедией Лири. Оно отражено в структурно-композиционном сходстве данных произведений. Метки этого сцепления проступают в отзвуках шекспировского слова, зафиксированного несовершенным театральным переводом, сделанным либо В. А. Каратыгиным, либо Я. Г. Брянским¹³.

«Два источника, — замечает В. Я. Лакшин, — питают обычно творческую силу начинающего автора: впечатления жизни и литературные образцы» (Лакшин, 1973: 462). К подобным образцам, хотя и не только чисто литературным, вероятно, следует отнести театральные переводы шекспировской трагедии «Король Лир», воплощенный в спектакле Малого театра, премьера которого состоялась 4 января 1839 г. в бенефис Мочалова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аникст, А. А. (1960) Послесловие к «Королю Лиру» // Шекспир У. Полн. собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. А. Смирнова, А. А. Аникста. М. : Искусство. Т. 6. С. 659–684.

Ашукин, Н. С., Ожегов, С. И., Филиппов, В. А. (1993) Словарь к пьесам А. Н. Островского. Репринтное изд. М. : Ред.-изд. фирма «Веста». VII, 246, [15] с. ISBN 5-86155-009-3.

Белинский, В. Г. (1953) Александрийский театр. Велизарий. Драма в стихах и в пяти отделениях, переведенная с немецкого П. Г. Ободовским. (Спектакль 31-го октября) // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. : в 13 т. М. : Изд-во Академии наук СССР. Т. 3. С. 315–324.

Беньяш, Р. М. (1976) Павел Мочалов. Л. : Искусство. 303 с.

Берг, Н. В. (1966) <Молодой Островский> // А. Н. Островский в воспоминаниях современников : [сб.]. М. : Художественная литература. С. 36–46.

¹³ О переводах В. А. Каратыгина и Я. Г. Брянского см.: Левин, 1965: 264–266, 283–285; Левин, 1988: 259–260; 266–267.

Бурдин, Ф. А. (1966) Из воспоминаний об А. Н. Островском // А. Н. Островский в воспоминаниях современников : [сб.]. М. : Художественная литература. С. 328–340.

Григорьев, А. А. (1980) Парадоксы органической критики (Письма к Ф. М. Достоевскому). [Письмо первое]. Органический взгляд и его основной принцип // Григорьев А. А. Эстетика и критика. М. : Искусство. С. 134–153.

Григорьев, А. А. (1985) После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу. Письмо первое. Неизбежные вопросы // Григорьев А. А. Театральная критика. Л. : Искусство. С. 171–188.

Григорьев, А. А. (1999) Письма / изд. подг. Р. Виттакер, Б. Ф. Егоров. М. : Наука. 473 с. ISBN 5-02-011678-5.

Даль, В. И. (1989a) Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык. Т. 1: А – З. ХСХVI, 699, [1] с. ISBN 5-200-01250-3.

Даль, В. И. (1989b) Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык. Т. 2: И – О. 779 с., [1] л. портр. ISBN 5-200-01276-7.

Дмитриев, Ю. А. (1953) Великий артист-демократ // Павел Степанович Мочалов : Заметки о театре, письма, стихи и пьесы. Современники о П. С. Мочалове. М. : Искусство. С. 5–40.

Добролюбов, Н. А. (1962) Собр. соч. : в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. М. ; Л. : Гос. изд. художественной литературы. Т. 5: Статьи и рецензии. Июль – декабрь 1859. 624 с.

Кашин, Н. П. (1912) А. Н. Островский и Д. Горев-Тарасенков // Кашин Н. П. Этюды об А. Н. Островском : [в 2-х т.]. М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о». Т. [1]. С. 265–274.

Кашин, Н. П. (1913) Этюды об А. Н. Островском : [в 2-х т.]. М. : Типо-лит. т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о». Т. 2: К истории текста произведений А. Н. Островского. 421 с.

Кони, А. Ф. (1966) А. Н. Островский // А. Н. Островский в воспоминаниях современников : [сб.]. М. : Художественная литература. С. 189–197.

Кублицкий, М. Е. (1953) Павел Степанович Мочалов // Павел Степанович Мочалов : Заметки о театре, письма, стихи и пьесы. Современники о П. С. Мочалове. М. : Искусство. С. 336–346.

Лакшин, В. Я. (1973) Островский (1843–1854) // Островский А. Н. Полн. собр. соч. : в 12 т. М. : Искусство. Т. 1: Художественная проза: Пьесы. 1843–1854. С. 462–493.

Лакшин, В. Я. (1982) Александр Николаевич Островский. 2-е изд., испр. и доп. М. : Искусство. 568 с.

Левин, Ю. Д. (1965) Русский романтизм // Шекспир и русская культура / под ред. [и с предисл.] акад. М. П. Алексеева. М. ; Л. : Наука. С. 201–315.

Левин, Ю. Д. (1988) Шекспир и русская литература XIX века / отв. ред. М. П. Алексеев. Л. : Наука. Ленинградское отделение. 328 с. ISBN 5-02-027913-7.

Лобанов, М. (1989) Островский. 2-е изд., дораб. М. : Молодая гвардия. 399, [1] с. (ЖЗЛ. Вып. 7 (587)). ISBN 5-235-00374-8.

Лотман, Л. М. (1982) А. Н. Островский // История русской литературы : в 4-х т. Л. : Наука. Т. 3: Расцвет реализма. С. 495–527.

Лотман, Л. М. (1991) Островский и драматургия второй половины XIX в. // История всемирной литературы : в 9 т. М. : Наука. Т. 7. С. 62–75.

Некрасов, Н. П. (1859) Сочинения А. Островского, 2 тома. — СПб., 1859 // Атеней: журнал критики, современной истории и литературы. Ч. II, № 8. Апрель. С. 458–499.

[Островский, А. Н.] (1851) Бенефис г. Садовского. Король Лир // Москвитянин : учено-литературный журнал. Ч. 5. № 17. Сентябрь. Кн. 1. С. 62–63. (Отд. «Московские известия», без подписи).

Островский, А. Н. (1953а) Литературное объяснение // Островский А. Н. Полн. собр. соч. / [подгот. текста и комм. М. Д. Беляева и др. ; ред. А. И. Ревякин]. М. : Гослитиздат. Т. 14. С. 48–52.

Островский, А. Н. (1953б) [Письмо] И. И. Панаеву, 14 декабря 1856 г. Москва // Островский А. Н. Полн. собр. соч. / [подгот. текста и комм. М. Д. Беляева и др. ; ред. А. И. Ревякин]. М. : Гослитиздат. Т. 14. С. 60.

Островский, А. Н. (1959) Собр. соч. : в 10 т. М. : Гослитиздат. Т. 1: Пьесы. 1847–1855. LXIV, 424 с.

Островский, А. Н. (1960) Собр. соч. : в 10 т. М. : Гослитиздат. Т. 9: Пьесы, написанные совместно с другими авторами. 1868–1882. 534 с.

Ревякин, А. И. (1962) Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М. : Московский рабочий. 544 с.

Ревякин, А. И. (1963) А. Н. Островский и Д. А. Горев (К творческой истории комедии «Свои люди — сочтемся!») // Русская литература. № 4. С. 180–196.

Ревякин, А. И. (1966) А. Н. Островский в воспоминаниях современников // А. Н. Островский в воспоминаниях современников : [сб.]. М. : Художественная литература. С. 5–26.

Селин, А. И. (1906) «Свои люди — сочтемся!». Комедия в четырех действиях («Университетские (Киевские) известия», 1868 г., № 8) // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского / сост. Н. Денисюк. Вып. 3: 1868–1873 гг. М. : Изд. А. С. Панафидиной. С. 80–101.

Семевский, М. И. (1966) <Встречи с А. Н. Островским в Москве> // А. Н. Островский в воспоминаниях современников : [сб.]. М. : Художественная литература. С. 127–153.

Словарь русского языка (1999a) : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы. Т. 4: С — Я. 796 с. ISBN 5-200-02676-8.

Словарь русского языка (1999b) : в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований ; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М. : Русский язык ; Полиграфресурсы. Т. 3: П — Р. 752 с. ISBN 5-200-02675-X.

Чекалов, И. И. (2016) Отголоски шекспировского слова в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтёмся» // XXVI Шекспировские чтения 2016: 400 лет бессмертия поэта : сб. аннотаций докладов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 44.

Шекспир, У. (1838) Король Лир : трагедия в 5 действиях / соч. Вилиама Шекспира ; [перевод В. А. Каратыгина]. [СПб.], ценз. 1838. 59 л. (Рукопись).

Шекспир, У. (1960) Полн. собр. соч. : в 8 т. / под общ. ред. А. А. Смирнова, А. А. Аникста. М. : Искусство. Т. 6: Гамлет, принц Датский; Мера за меру; Отелло; Король Лир. 687 с.

Штейн, А. Л. (1973) Мастер русской драмы. Этюды о творчестве Островского. М. : Советский писатель. 432 с.

Языков, Н. (1907) Бессилие творческой мысли («Дело». 1875 г., №№ 2 и 4) // Критическая литература о произведениях А. Н. Островского / сост. Н. Денисюк. Вып. 4: 1874–1892 гг. М. : Изд. А. С. Панафидиной. С. 102–168.

Bradley, A. C. (1908) Shakespearean tragedy: Lectures on Hamlet, Othello, King Lear, Macbeth. 2nd ed. London : Macmillan and Co., Ltd. xi, 498 p.

Chekalov, I. I. (2016) Shakespearean echoes in “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves” by A. N. Ostrovsky // 26th Shakespeare Readings 2016 : 400 Years of Immortality : Paper abstracts. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. P. 40.

Schmidt, A. (1902) Shakespeare-lexicon: A complete dictionary of all the English words, phrases and constructions in the works of the poet : in 2 vols. 3rd ed. revised and enlarged by G. Sarrazin. Berlin : Georg Reimer. Vol. 2: M – Z. 680–1450 p.

Shakespeare, W. (1970) King Lear / ed. by A. Harbage. Harmondsworth : Penguin Books. 175 p.

Дата поступления: 22.02.2022 г.

Дата принятия: 20.06.2022 г.

REFERENCES

Anikst, A. A. (1960) Posleslovie k «Koroliu Liru» [Afterword to “King Lear”]. In: Shakespeare, W. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 8 vols. / ed. by A. A. Smirnov and A. A. Anikst. Moscow : Iskusstvo. Vol. 6. Pp. 659–684. (In Russ.).

Ashukin, N. S., Ozhegov, S. I. and Filippov, V. A. (1993) *Slovar' k p'esam A. N. Ostrovskogo* [Dictionary to the plays by A. N. Ostrovsky]. Reprint ed. Moscow : Vesta. vii, 246, [15] p. (In Russ.). ISBN 5-86155-009-3.

Belinsky, V. G. (1953) Aleksandriiskii teatr. Velizarii. Drama v stikhakh i v piati otdeleniakh, perevedennaia s nemetskogo P. G. Obodovskim. (Spektakl' 31-go oktiabria) [The Alexandrinsky Theatre. Belisarius. A drama in verse and in five acts, translated from German by P. G. Obodovsky. (Performance on the 31st of October)]. In: Belinsky, V. G. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 13 vols. Moscow : Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Vol. 3. Pp. 315–324. (In Russ.).

Ben'yash, R. M. (1976) *Pavel Mochalov*. Leningrad : Iskusstvo. 303 p. (In Russ.).

Berg, N. V. (1966) <Molodoi Ostrovskii> [<Young Ostrovsky>]. In: *A. N. Ostrovskii v vospominaniakh sovremennikov* [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries] : A collection. Moscow : Khudozhestvennaia literatura. Pp. 36–46. (In Russ.).

Burdin, F. A. (1966) Iz vospominanii ob A. N. Ostrovskom [From memoirs about A. N. Ostrovsky]. In: *A. N. Ostrovskii v vospominaniakh sovremennikov* [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries] : A collection. Moscow : Khudozhestvennaia literatura. Pp. 328–340. (In Russ.).

Grigoriev, A. A. (1980) Paradoksy organicheskoi kritiki (Pis'ma k F. M. Dostoevskomu). [Pis'mo pervoe]. Organicheskii vzgliad i ego osnovnoi printsip [The paradoxes of organic criticism (Letters to F. M. Dostoevsky). [Letter one]. The organic view and its fundamental principle]. In: Grigoriev, A. A. *Estetika i kritika* [Aesthetics and criticism]. Moscow : Iskusstvo. Pp. 134–153. (In Russ.).

Grigoriev, A. A. (1985) Posle «Grozy» Ostrovskogo. Pis'ma k Ivanu Sergeevichu Turgenevu. Pis'mo pervoe. Neizbezhnye voprosy [After Ostrovsky's “The Thunderstorm”. Letters to Ivan Sergeyevich Turgenev. Letter one. Unavoidable questions]. In: Grigoriev, A. A. *Teatral'naia kritika* [Theater criticism]. Leningrad : Iskusstvo. Pp. 171–188. (In Russ.).

Grigoriev, A. A. (1999) *Pis'ma* [Letters] / prepared by R. Vittaker and B. F. Egorov. Moscow : Nauka. 473 p. (In Russ.). ISBN 5-02-011678-5.

Dal, V. I. (1989a) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [The explanatory dictionary of the living great Russian language]* : in 4 vols. Moscow : Russkii iazyk. Vol. 1. xcvi, 699, [1] p. (In Russ.). ISBN 5-200-01250-3.

Dal, V. I. (1989b) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [The explanatory dictionary of the living great Russian language]* Moscow : Russkii iazyk. Vol. 2. 779 p., [1] l. (In Russ.). ISBN 5-200-01276-7.

Dmitriev, Yu. A. (1953) Velikii artist-demokrat [The great democratic artist]. In: *Pavel Stepanovich Mochalov : Zametki o teatre, pis'ma, stikhi i p'esy. Sovremenniki o P. S. Mochalove [Pavel Stepanovich Mochalov : Notes on theatre, letters, poems and plays. Contemporaries' opinions on P. S. Mochalov]*. Moscow : Iskusstvo. Pp. 5–40. (In Russ.).

Dobrolyubov, N. A. (1962) *Sobranie sochinenii [Works]* : in 9 vols. / ed. by B. I. Bursov et al. Moscow ; Leningrad : State Publishing House of Fiction. Vol. 5: Stat'i i retsenzii. Iiul' – dekabr' 1859 [Articles and reviews. July – December 1859]. 624 p. (In Russ.).

Kashin, N. P. (1912) A. N. Ostrovskii i D. Gorev-Tarasenkov [A. N. Ostrovsky and D. Gorev-Tarasenkov]. In: Kashin, N. P. *Etiudy ob A. N. Ostrovskom [Essays about Alexander Ostrovsky]* : in 2 vols. Moscow : I. N. Kushnerev and C°. Vol. 1. Pp. 265–274. (In Russ.).

Kashin, N. P. (1913) *Etiudy ob A. N. Ostrovskom [Essays about Alexander Ostrovsky]* : in 2 vols. Moscow : I. N. Kushnerev and C°. Vol. 2: K istorii teksta proizvedenii A. N. Ostrovskogo [On the history of A. N. Ostrovsky's texts]. 421 p. (In Russ.).

Koni, A. F. (1966) A. N. Ostrovsky. In: *A. N. Ostrovskii v vospominaniakh sovremennikov [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]* : A collection. Moscow : Khudozhestvennaia literatura. Pp. 189–197. (In Russ.).

Kublitskii, M. E. (1953) Pavel Stepanovich Mochalov. In: *Pavel Stepanovich Mochalov : Zametki o teatre, pis'ma, stikhi i p'esy. Sovremenniki o P. S. Mochalove [Pavel Stepanovich Mochalov : Notes on theatre, letters, poems and plays. Contemporaries' opinions on P. S. Mochalov]*. Moscow : Iskusstvo. Pp. 336–346. (In Russ.).

Lakshin, V. Ya. (1973) Ostrovsky (1843–1854). In: Ostrovsky, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* : in 12 vols. Moscow : Iskusstvo. Vol. 1: Khudozhestvennaia proza: P'esy. 1843–1854 [Fictional prose: Plays. 1843–1854]. Pp. 462–493. (In Russ.).

Lakshin, V. Ya. (1982) *Aleksandr Nikolaevich Ostrovsky*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow : Iskusstvo. 568 p. (In Russ.).

Levin, Yu. D. (1965) Russkii romantizm [Russian romanticism]. In: *Shekspir i russkaia kul'tura [Shakespeare and Russian culture]* / ed. by M. P. Alekseev. Moscow ; Leningrad : Nauka. Pp. 201–315. (In Russ.).

Levin, Yu. D. (1988) *Shekspir i russkaia literatura XIX veka [Shakespeare and Russian literature of the 19th century]* / ed. by M. P. Alekseev. Leningrad : Nauka. Leningrad Branch. 328 p. (In Russ.). ISBN 5-02-027913-7.

Lobanov, M. (1989) *Ostrovsky*. 2nd ed., revised. Moscow : Molodaya gvardiya. 399, [1] p. (The Lives of Remarkable People. Issue 7 (587)). (In Russ.). ISBN 5-235-00374-8.

Lotman, L. M. (1982) A. N. Ostrovsky. In: *Istoriia russkoi literatury [History of Russian literature]* : in 4 vols. Leningrad : Nauka. Vol. 3: Rastsvet realizma [The heyday of realism]. Pp. 495–527. (In Russ.).

Lotman, L. M. (1991) Ostrovskii i dramaturgiia vtoroi poloviny XIX v. [Ostrovsky and the drama of the second half of the 19th century]. In: *Istoriia vsemirnoi literatury [History of world literature]* : in 9 vols. Moscow : Nauka. Vol. 7. Pp. 62–75. (In Russ.).

Nekrasov, N. P. (1859) Sochineniia A. Ostrovskogo, 2 toma. — SPb., 1859 [The works of A. Ostrovsky, two volumes. — St. Petersburg, 1859]. In: *Atenei*, pt. II, no. 8, April, pp. 458–499. (In Russ.).

[Ostrovsky, A. N.] (1851) Benefis g. Sadovskogo. Korol' Lir [Benefit performance by Mr. Sadovsky. King Lear]. In: *Moskvityanin*, Pt. 5, no. 17, September, book 1, pp. 62–63. (Section “Moskovskie izvestiia”, unsigned). (In Russ.).

Ostrovsky, A. N. (1953a) Literaturnoe ob"iasnenie [Literary explanation]. In: Ostrovsky, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* / prepared and commented by M. D. Beliaev et al. ; ed. by A. I. Reviakin]. Moscow : Goslitizdat. Vol. 14. Pp. 48–52. (In Russ.).

Ostrovsky, A. N. (1953b) Pis'mo I. I. Panaevu, 14 dekabria 1856 g. Moskva [A letter to I. I. Panaev, December 14, 1856. Moscow]. In: Ostrovsky, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii [Complete works]* / prepared and commented by M. D. Beliaev et al. ; ed. by A. I. Reviakin]. Moscow : Goslitizdat. Vol. 14. P. 60. (In Russ.).

Ostrovsky, A. N. (1959) *Sobranie sochinenii [Works]* : in 10 vols. Moscow : Goslitizdat. Vol. 1: P'esy. 1847–1855 [Plays. 1847–1855]. lxiv, 424 p. (In Russ.).

Ostrovsky, A. N. (1960) *Sobranie sochinenii [Works]* : in 10 vols. Moscow : Goslitizdat. Vol. 9: P'esy, napisannye sovместno s drugimi avtorami. 1868–1882 [Plays written in collaboration with other authors. 1868–1882]. 534 p. (In Russ.).

Reviakin, A. I. (1962) *Moskva v zhizni i tvorchestve A. N. Ostrovskogo [Moscow in the life and work of Alexander Ostrovsky]*. Moscow : Moskovskii rabochii. 544 p. (In Russ.).

Reviakin, A. I. (1963) A. N. Ostrovskii i D. A. Gorev (K tvorcheskoi istorii komedii «Svoi liudi — sochtemsia!») [A. N. Ostrovsky and D. A. Gorev (On the creative history of the comedy “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves!”)]. In: *Russian Literature*, no. 4, pp. 180–196. (In Russ.).

Reviakin, A. I. (1966) A. N. Ostrovskii v vospominaniiakh sovremennikov [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries]. In: *A. N. Ostrovskii v vospominaniiakh sovremennikov* [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries] : A collection. Moscow : Khudozhestvennaia literatura. Pp. 5–26. (In Russ.).

Selin, A. I. (1906) «Svoi liudi — sochtemsia!». Komediia v chetyrekh deistviakh («Universitetskie (Kievskie) izvestiia», 1868 g., № 8) [“It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves!”. A comedy in four acts (“University (Kiev) News”, 1868, no. 8)]. In: *Kriticheskaia literatura o proizvedeniiakh A. N. Ostrovskogo* [Critical literature on the works of Alexander Ostrovsky] / comp. by N. Denisiuk. Issue 3: 1868–1873. Moscow : Publ. by A. S. Panafidina. Pp. 80–101. (In Russ.).

Semevskii, M. I. (1966) <Vstrechi s A. N. Ostrovskim v Moskve> [<Encounters with A. N. Ostrovsky in Moscow>]. In: *A. N. Ostrovskii v vospominaniiakh sovremennikov* [A. N. Ostrovsky in the memoirs of his contemporaries] : A collection. Moscow : Khudozhestvennaia literatura. Pp. 127–153. (In Russ.).

Slovar' russkogo iazyka [A dictionary of the Russian language] (1999a) : in 4 vols. / RAS, Institute for Linguistic Studies ; ed. by A. P. Evgenieva. 4th ed., stereotype. Moscow : Russkii iazyk ; Poligrafresursy. Vol. 4. 796 p. (In Russ.). ISBN 5-200-02676-8.

Slovar' russkogo iazyka [A dictionary of the Russian language] (1999b) : in 4 vols. / RAS, Institute for Linguistic Studies ; ed. by A. P. Evgenieva. 4th ed., stereotype. Moscow : Russkii iazyk ; Poligrafresursy. Vol. 3. 752 p. (In Russ.). ISBN 5-200-02675-X.

Chekalov, I. I. (2016) Otgoloski shekspirovskogo slova v p'ese A. N. Ostrovskogo «Svoi liudi — sochtemsia» [Shakespearean echoes in “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves by A. N. Ostrovsky”]. In: *XXVI Shekspirovskie chteniia 2016: 400 let bessmertii poeta* [26th Shakespeare Readings 2016 : 400 Years of Immortality] : Paper abstracts. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. P. 44. (In Russ.).

Shakespeare, W. (1838) *Korol' Lir : tragediia v 5 deistviiakh* [King Lear: A tragedy in 5 acts] / [transl. by V. A. Karatygin]. [St. Petersburg], censored in 1838. 59 l. (Manuscript). (In Russ.).

Shakespeare, W. (1960) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works] : in 8 vols. / ed. by A. A. Smirnov and A. A. Anikst. Moscow : Iskusstvo. Vol. 6: Gamlet, prints Datskii; Mera za meru; Otello; Korol' Lir [Hamlet, Prince of Denmark; Measure for Measure; Othello; King Lear]. 687 p. (In Russ.).

Shtein, A. L. (1973) *Master russkoi dramy. Etiudy o tvorchestve Ostrovskogo* [The master of Russian drama. Essays on Ostrovsky's creative works]. Moscow : Sovetskii pisatel'. 432 p. (In Russ.).

Yazykov, N. (1907) Bessilie tvorcheskoi mysli («Delo». 1875 g., №№ 2 i 4) [The powerlessness of creative thought (“Delo”. 1875, nos. 2 and 4)]. In: *Kriticheskaia literatura o proizvedeniiakh A. N. Ostrovskogo* [Critical literature on the works of Alexander Ostrovsky] / comp. by N. Denisiuk. Issue 4: 1874–1892. Moscow : Publ. by A. S. Panafidina. Pp. 102–168. (In Russ.).

Bradley, A. C. (1908) *Shakespearean tragedy: Lectures on Hamlet, Othello, King Lear, Macbeth*. 2nd ed. London : Macmillan and Co., Ltd. xi, 498 p.

Chekalov, I. I. (2016) Shakespearean echoes in “It’s a Family Affair — We’ll Settle It Ourselves” by A. N. Ostrovsky. In: *26th Shakespeare Readings 2016 : 400 Years of Immortality* : Paper abstracts. Moscow : Moscow University for the Humanities Publ. P. 40.

Schmidt, A. (1902) *Shakespeare-lexicon: A complete dictionary of all the English words, phrases and constructions in the works of the poet* : in 2 vols. 3rd ed. revised and enlarged by G. Sarrazin. Berlin : Georg Reimer. Vol. 2: M – Z. 680–1450 p.

Shakespeare, W. (1970) *King Lear* / ed. by A. Harbage. Harmondsworth : Penguin Books. 175 p.

Submission date: 22.02.2022.

Acceptance date: 20.06.2022.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекалов Иван Иванович (1933–2022) — кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета, член Шекспировской комиссии РАН (Санкт-Петербург).

ABOUT THE AUTHOR

CHEKALOV Ivan Ivanovich (1933–2022), Candidate of Philology, Associate Professor, St. Petersburg State University; Member, Shakespeare Committee, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Чекалов И. И. Отголоски шекспировского слова в пьесе А. Н. Островского «Свои люди — сочтемся!» [Электронный ресурс] // Горизонты гуманитарного знания. 2023. № 6. С. 47–74. URL: <https://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1774> (дата обращения: дд.мм.гггг). EDN [CTEQGQ](#). DOI [10.17805/ggz.2023.6.3](https://doi.org/10.17805/ggz.2023.6.3).